

Способ причинить кому-то наибольшую боль и вместе с тем самый действенный — это задеть то, что этот человек или та девушка ценят больше всего.

Расковырянные ящики и разгромленный стол, исписанные злобными насмешками доски — всё это уже второй день подряд терпела троица И Ши Сюнь. Впрочем, в их глазах всё это было не более чем ребяческими забавами, с которыми рано или поздно кто-нибудь да разберётся.

Этим «кем-то» оказался несчастный Ян Чуцзин.

Судя по рассказам Чуцзина, с того самого дня, как У Хуаньин вылила на У Синьюань чашку чёрного чая, Чи Иншунь опубликовала на школьном стенде объявление: И Ши Сюнь, У Хуаньин и Цаннай Сюйхань официально объявлены всеобщими врагами школы. Ученики, которые давно уже косо смотрели на новеньких, дружно закивали в знак согласия, а кое-кто даже закатил целую вечеринку по этому поводу. Те, кто раньше осмеливался лишь исподтишка шептаться за спиной, теперь вели себя совершенно открыто и нагло. Впрочем, с их уровнем интеллекта рассчитывать на какой-то успех им всё равно не стоило.

Сам же Чуцзин собирался вмешаться в качестве президента студенческого совета и замять конфликт, но Ши Сюнь сказала, что они хотят немного поиграть, так что он решил предоставить всё самим девочкам.

Сегодня Ши Сюнь, в отличие от обычного, пришла в класс последней, вставив в уши плеер. Серебристые наушники плотно закрывали слуховые проходы — она не желала позволять всякому шуму и грязным сплетням осквернять её уши.

Сюйхань сидела на парте, которую незадолго до этого привёл в порядок Чуцзин, и, попивая чёрный чай, листала журнал.

Надо же, сегодня в классе для второго года старшей школы А отсутствовал Цзо Юньчэнь, не было и визга девчонок — словом, царило редкое спокойствие.

Хуаньин от скуки постукивала левой рукой по краю парты, а правой вертела в пальцах телефон лимитированной серии. Заметив приход Ши Сюнь, она спросила:

— Почему тебя сегодня с самого утра не было?

— Ходила кое за чем, — Ши Сюнь качнула коробкой, которую держала в руке. — Какая мерзость. Всё-таки этот Калайт не стоит и ломаного гроша.

С отвращением оттолкнув парту, загораживавшую ей проход, Ши Сюнь встретила взглядом с сидевшей рядом девчонкой, которая тут же злобно зыркнула на неё.

— Разве я не права? Подобные детские шалости способны придумать только вы.

Ши Сюнь больше не стала молчать и ответила без капли страха. Такая перемена удивила

Хуаньин и Сюйхань, однако расспрашивать они ничего не стали.

— Сюнь, забудь. Мы ведь всё равно скоро уйдём, не так ли?

Разумеется, при условии, что все дела будут улажены, небрежно бросила Сюйхань, но тут же осёкся, подумав, что сболтнула лишнего.

И именно эта случайная фраза заставила Чи Иншунь, Ваньянь Лиюэ и У Синьюань замереть.

Чи Иншунь закрыла глаза. Она что, собирается уйти? Почему?

А у двух других девушек в голове крутилась одна и та же мысль: «Прекрасно! Пусть убираются как можно дальше, и будет ещё лучше, если мы больше никогда их не увидим».

Ши Сюнь и Хуаньин холодно усмехнулись про себя. Неужели они думают, что после этого потеряют бдительность?

В воздухе повисло тягостное молчание.

— Неужели клан У собирается заключить брак с финансовой группой Инь? — чеканя каждое слово, произнесла Хуаньин, и её ледяные голубые глаза скользнули по У Синьюань и Инь Шэланю.

В классе воцарилась абсолютная тишина — все ждали продолжения захватывающего зрелища.

Инь Шэлань молчал, не желая отвечать, пока не разберётся в планах этой девчонки.

А вот У Синьюань запаниковала. Ей было страшно: неужели У Хуаньин и впрямь собирается отобрать у неё всё? Даже её любимого Шэланя? Она терпеть не могла эти ледяные глаза У Хуаньин, способные прочесть любые мысли, отчего ей казалось, что её сокровенные секреты вот-вот обнажатся.

— Ничего подобного, просто отец уже дал своё согласие.

Это было общеизвестным фактом, так что вряд ли она могла ошибиться, высказавшись подобным образом.

Она растянула губы в улыбке, нарочито выделив интонацией слово «отец».

Хуаньин мысленно усмехнулась. Глупая девчонка! Неужели она думает, что этот человек по имени У И так уж хорош? Сама Хуаньин только и ждала возможности порвать с ним любые связи.

— Какое красивое ожерелье, правда, немного старинное, — Сюйхань заметила, как Ши Сюнь извлекает из изящной шкатулки украшение, и придвинулась ближе.

Ши Сюнь великодушно протянула его подруге. Ожерелье было изготовлено из хрусталя и инкрустировано красными драгоценными камнями, излучавшими мягкое алое сияние — простое, но не лишенное изысканной роскоши.

— Где достала? — Хуаньин тоже проявила интерес: сама Ши Сюнь вряд ли стала бы заглядываться на вещи подобного стиля.

— Мамина память. Всё это время оно лежало у меня в банковской ячейке, — тихо ответила Ши Сюнь так, чтобы услышали только Хуаньин и Сюйхань.

Так вот в чём причина её сегодняшнего странного поведения.

На переменке Ши Сюнь и остальные решили выйти подышать свежим воздухом, по неосторожности оставив портфели на своих местах.

— Лиюэ, а мы правильно поступаем? — с тревожным видом спросила одна из прихвостниц Ваньянь Лиюэ.

— А что здесь не так? Делайте, как я говорю. Подумаешь, паршивое ожерелье! Если что случится, я всё возьму на себя, — скрестив руки на груди, раздраженно скомандовала Ваньянь Лиюэ.

Подручные переглянулись и, видя непреклонность Ваньянь Лиюэ, были вынуждены подчиниться. Они схватили изящную шкатулку и скрылись.

На лице Ваньянь Лиюэ расцвела торжествующая улыбка, но её тут же заметила Чи Иншунь, возвращавшаяся из туполета. С недоумением во взгляде она проводила взглядом крадущихся приспешниц Ваньянь Лиюэ, покидавших класс.

Ради призрачной цели в голове, ни секунды не задумываясь о последствиях.

Ваньянь Лиюэ была именно из таких людей.

Ни в портфеле, ни в выдвижном ящике стола, ни в карманах одежды. Куда же оно подевалось? Несмотря на прохладную осень, Ши Сюнь покрылась испариной от охватившей её паники.

— Хуаньин, Сюйхань, вы не видели мою шкатулку? — обойдя все возможные места и ничего не найдя, спросила Ши Сюнь.

— Пропала? — Сюйхань отложила журнал.

— Может, кто-то утащил? — предположила Хуаньин, тоже изрядно попоисков вокруг.

— Я живой не оставлю того, кто это взял, — ледяным голосом процедила Ши Сюнь, обведя класс пронзительным взглядом зелёных глаз.

Её взгляд остановился на Ваньянь Лиюэ и ее компании. Лицо Ваньянь Лиюэ оставалось внешне спокойным, но на лбу выступили мелкие капельки пота.

— Ваньянь Лиюэ...

— Я ничего не брала! — поспешно принялась оправдываться та, даже не сообразив, что только что выдала себя с головой.

Ши Сюнь холодно глянула на неё, и только тут Лиюэ осознала, что ляпнула лишнего! Было уже поздно: Ши Сюнь вмиг вцепилась ей в воротник с невероятной силой.

Стоявшая за спиной У Синьюань отчаянно пыталась разжать пальцы И Ши Сюнь и освободить Ваньянь Лиюэ.

Ваньянь Лиюэ казалось, что она задыхается, а Ши Сюнь продолжала сверлить её тяжёлым взглядом:

— Лучше говори по-хорошему!

— Ты что, хочешь её придушить? — Чи Иншунь больше не могла на это смотреть; она схватила Ши Сюнь за руку и с усилием заставила разжать хватку.

— Ха, я его давно выбросила в пруд, так что можешь даже не надеяться вернуть пропажу! — гордость не позволяла Ваньянь Лиюэ сдаться, и она продолжала упрямиться.

— В какой пруд? В какой именно? — лицо Ши Сюнь вмиг побелело.

От этого зрелища сердце Чи Иншунь пронзила острая боль.

— В пруд на западе Калайта, — откашлявшись, с трудом выдавила Ваньянь Лиюэ, тяжело дыша.

— Хуаньин, Сюйхань, с этого момента разбирайтесь сами. Ваньянь Лиюэ, иметь такую дочь, как ты — позор для семьи Ваньянь! — бросила Ши Сюнь и бросилась вон из класса, словно безумная.

— Сюнь! Возьми себя в руки!

— Я ничего не брала!

— Я его давно выбросила в пруд, так что можешь даже не надеяться вернуть пропажу!

— В пруд на западе Калайта.

В пруд на западе Калайта... В пруд на западе Калайта...

Глядя на удаляющуюся фигуру И Ши Сюнь, Чи Иншунь почувствовала странное помутнение в голове. Неужели это ожерелье настолько дорого ей? Кто же подарил его?

Его пальцы чуть сжались, и он быстрым шагом последовал за ней.

— Шунь, куда ты...

Подоспевший Чуцзин услышал, как Сюйхань бросила ему:

— Чуцзин, эта девчонка на тебе.

В глазах Хуаньин мелькнул зловещий огонек, и обе девушки тоже выбежали из аудитории.

— Ну а теперь, мисс Ваньянь, нам тоже стоит побеседовать...

— Я... Ян Чуцзин, т-только не глупи! Неужели оно того стоило ради этих девчонок? — холодное выражение лица Чуцзина напугало Ваньянь Лиюэ. Всегда такой мягкий и приветливый принц школы — почему сегодня он...

— Чуцзин, те трое — враги всего Калайта, и поступок Лиюэ вполне оправдан, — наконец подал голос Инь Шэлань.

— Именно так, староста Чуцзин... — У Синьюань вцепилась в руку Ваньянь Лиюэ, пытаясь урезонить готового взорваться Ян Чуцзина.

— Запомните раз и навсегда: любой, кто посмеет снова причинить им вред, станет врагом мне и всему клану Ян.

— Ради них я готов отдать даже жизнь...

Остальные ошеломленно смотрели на то, как Ян Чуцзин бросил эти слова и удалился.

Воздух казался застывшим, тяжело давалось даже простое моргание.

Ши Сюнь смотрела на гладь огромного пруда, и в её душе поселилось отчаяние, какого она не испытывала все последние десять лет.

Это было единственное, что оставила ей мать.

Прошлое рушилось прямо у неё под ногами.

— Аньцян, береги это ожерелье, его твоя бабушка подарила маме. Когда подрастешь и окрепнешь, сможешь отыскать с ним бабушку и дедушку...

— У мамы есть еще сестра, это твоя тетя...

Разве могла она забыть тихий, нежный голос матери, произнесший самые последние слова в её адрес?

А затем был суицид.

Ши Сюнь с мучительной болью закрыла глаза, её руки безвольно опустились вдоль тела.

И что с того, что она владеет крупнейшей корпорацией в мире?

Что с того, что обладает безупречным умом?

Если в конце концов она не смогла сберечь даже последнюю вещь матери.

Зелёные глаза затуманились, она сбросила туфли и без колебаний шагнула в пугающую глубину пруда.

— Ваньянь Аньцян! — стоявшая неподалеку Чи Иншунь явно не ожидала такого поступка.

Сердце её сжалось от страха за девушку.

Ши Сюнь шарила руками по дну, мысленно радуясь лишь тому, что пруд оказался не слишком глубоким.

Здесь ничего... И тут пусто...

Мама, мне так холодно.

— Сюнь! Сюнь! Вылезай, я уже вызвал насосы, мы быстро всё найдём!

— Сюнь, вода ледяная, поднимайся на берег!

Казалось, Ши Сюнь вовсе не слышала их криков, продолжая ожесточенно шарить вокруг, то пливя, то ныряя.

Так холодно. И так устала. Силы покидали её.

Она с трудом ловила ртом воздух, конечности начали деревенеть.

Плюх!

Плюх!

В воду практически одновременно прыгнули ещё двое — и это были вовсе не Хуаньин с

Сюйхань, а Чи Иншунь и Ян Чуцзин.

Как же устала. Мама, я хочу спать.

Руки больше не слушались, тело Ши Сюнь медленно шло ко дну.

Первым доплывший до неё Ян Чуцзин схватил девушку за руку, легко подхватил и потащил обратно к берегу.

Убедившись, что она в безопасности добралась до суши, Чи Иншунь вздохнул с облегчением, заметив, как Чуцзин накинул на промокшую насквозь девушку свою куртку. Как бы он хотел оказаться на его месте...

Однако сам он почему-то не спешил возвращаться к берегу.

Медицинский кабинет Калайта.

— Сюнь! Сюнь... Очнись же! И Ши Сюнь, открой глаза! — Сюйхань шлепала подругу по щекам, отчаянно пытаясь привести в чувство потерявшую сознание девушку.

— Кхе-кхе... — почувствовав легкую боль на щеке, Ши Сюнь приоткрыла глаза.

— Очнулась, — Сюйхань моргнула. — А я уж собиралась плеснуть на тебя воды, чтобы расшевелить.

Интуиция подсказала Ши Сюнь, что та просто издевается над её беспомощностью.

— Ожерелье нашлось? — на прекрасном лице не было ни краски, зато отчётливо читалась тревога.

Сюйхань кивнула в сторону Хуаньин. У Хуаньин держала в руках ту самую изящную шкатулку; крышка была приоткрыта, и внутри по-прежнему мерцало рубиновым светом хрустальное ожерелье.

И Ши Сюнь глубоко вздохнула, приняла из рук Хуаньин коробку и слабо улыбнулась.

— Выпей, — Сюйхань заботливо протянула ей чашку с чёрным чаем.

Сделав небольшой глоток, она поставила чашку на столик:

— Спасибо, что помогли его отыскать.

— Вообще-то, это не мы его нашли, — неторопливо произнесла Хуаньин. — Это сделал тот парень, Чи Иншунь.

Ши Сюнь слегка удивилась, попытавшись припомнить недавние события, но в памяти царил туман.

— Как подозрительно, — ехидно ухмыльнулась Сюйхань, явно наслаждаясь зрелищем. — Неужели он в тебя втрескался?

— Исключено, — покачала головой Ши Сюнь.

Воспоминания, словно послеполуденный ветер, нахлынули волной, закружив в голове.

— Ты что творишь?

— Я тебя раньше не видел, ты, наверное, дочь здешней служанки.

— Ты мешаешь мне спать!

Властный тон, нарочитая показушная взрослость.

Казалось, с тех пор ничего не изменилось.

— Мисс, прошу за нами.

Хуаньин высокомерно посмотрела на пятерых телохранителей в строгих костюмах.

— Это У И прислал вас?

Наконец-то они встретятся, У И.

Телохранители почтительно склонили головы:

— Да, мисс.

Не дожидаясь, пока они откроют дверь, Хуаньин сама дернула ручку «Крайслера» и забралась внутрь.

— Погодите, это же У Хуаньин! Она села в личную машину клана У!

— Похоже, она собирается вернуться в семью. Бедняжка мисс Синьюань, теперь ей точно не найдется места в клане У.

— Точно! У Хуаньин такая высокомерная и холодная, наверняка станет обижать добрую мисс Синьюань!

У Синьюань и Инь Шэлань стояли недалеко от школьных ворот, наблюдая, как «Крайслер» плавно отъезжает от обочины.

— Шэлань, отец наконец-то принял сестру, я так рада!

Ничего подобного!

В её глазах плескались эмоции, абсолютно противоположные выражению лица — словно отражение в тусклом зеркале темного угла.

— Пф, если она действительно начнет тебя обижать, сразу скажи мне, — лениво прищурился Инь Шэлань, хотя в его голосе почему-то проскользнула тень улыбки.

Только потому, что он воспринимал ее как младшую сестру, он мог сказать: «Если она начнет тебя обижать, сразу скажи мне».

И тем не менее, известие о том, что эта девушка возвращается в семью У и вполне может стать его женой, почему-то вызывало у него радость.

У Хуаньин, какую же гримасу ты покажешь под маской высокомерия?

— Угу, Шэлань самый лучший! — тучи на душе рассеялись, и на сердце стало легко — всего лишь от одной двусмысленной фразы парня.

— Давно не виделись, мистер У.

Хуаньин окинула взглядом У И: всё то же суровое лицо, на котором безжалостное время оставило глубокие следы морщин и серебро в волосах.

У И тоже разглядывал дочь: сходство с ее матерью достигало девяноста процентов — такая же ослепительная и манящая красота.

— Хуаньин, ты всё еще держишь на отца обиду?

— Не держу. Я тебя ненавижу, — она смотрела на него абсолютно спокойным взглядом, а голос звучал ровно. — Тебе совсем не идет эта лицемерная маска раскаяния.

Лицо У И ожидаемо исказилось от гнева, и он рявкнул:

— А ты? Что за тон по отношению к отцу, с которым не виделась десять лет?

— Для тона в адрес убийцы я выбрала еще слишком мягкую манеру, — её безразличие контрастировало с нарастающей яростью У И.

— Ха, ну и прекрасно. Тогда даже не смей рассчитывать на то, что получишь хоть что-то из имущества клана У! — У И откинулся на спинку массивного кресла, стряхивая пепел с сигареты.

Он искренне верил, что запугал собеседницу, совершенно не понимая, с какой самоуверенной дерзостью имеет дело.

Тем более, что перед ним стояла гордая принцесса — У Хуаньин.

— Клан У? Ха, я никогда не ставила его ни во что. Неужели ты думаешь, что я осталась той избалованной, ничего не понимающей богатенькой девчонкой из детства? — холодно усмехнулась Хуаньин.

— Да кто ты такая?! — несколько дней назад он пытался навести справки о ней, но не смог добыть ни единой крупницы информации. Это заставило его насторожиться: У И не привык вести дела вслепую, даже когда речь шла о собственной дочери.

— Тот самый человек, который разрушит твой клан У и упрячет тебя за решетку.

Слова эти прозвучали так, будто донеслись из самого пекла.

Хуаньин подхватила сумочку:

— Ну что ж, прощай.

Находиться здесь дольше казалось ей омерзительным.

После ее ухода У И яростно затянулся сигаретой, погрузившись в долгое раздумье.

— Клан У? Ха, я никогда не ставила его ни во что. Неужели ты думаешь, что я осталась той избалованной, ничего не понимающей богатенькой девчонкой из детства?

— Тот самый человек, который разрушит твой клан У и упрячет тебя за решетку.

Хуаньин, тогда не вини меня за жестокость.

Всё, что угрожает мне и клану У, будет стерто с лица земли.

У И снял трубку телефона:

— Сон, приступайте. Во время школьного юбилея Калайта.

Вилла в пригороде Лондона.

Ночь окутала окрестности туманной пеленой, бледный лунный свет лился с небес чистой водой, не оставляя и следа желтизны.

— Хуаньин, какие планы у У И? — Сюйхань сидела на роскошном кожаном диване, поджав ноги, и потягивала чёрный чай.

— Похоже, он перешел к активным действиям, — чеканя каждое слово, произнесла Хуаньин.

Она слишком хорошо знала У И: он никогда не оставит в живых тех, кто представляет для него угрозу.

— Мы уже готовы, — Ши Сюнь хлопнула Хуаньин по плечу и мягко улыбнулась.

До сих пор всё шло строго по намеченному плану, с удивительной легкостью.

После того как Ян Чуцзин выступил с тем грозным предупреждением, больше никто не осмеливался задирать троицу девочек, отчего им стало откровенно скучно.

Частная ложа в столовой Калайта.

— Чуцзин, спасибо, — искренне произнесла Ши Сюнь. По словам Хуаньин и Хуаньин, именно Чуцзин вытащил её тогда. Хотя ей ужасно не нравилось само слово вытащил, поделаться она ничего не могла.

Заметив, как Сюйхань за соседним столиком устроила ей выразительную гримасу, она наградила подругу взглядом полным презрения.

— Это моя обязанность, — всё с той же веселой улыбкой отозвался Чуцзин. — Будем считать это извинением за инцидент с номером на юбилее.

Ши Сюнь приподняла бровь: что ж, теперь они квиты.

What I am going through. You touch my heart and take my breath away...

Мелодичный звонок телефона прервал их беседу. Достав трубку, Хуаньин отошла в сторону.

С долгом Чуцзина было покончено, но оставался еще кое-кто.

Чи Иншунь.

После полудня легкий ветерок разгонял духоту и скуку. Где-то вдали ветер покачивал кроны незнакомых деревьев, создавая причудливую игру теней.

Ши Сюнь пришла в ту самую рощу, где видела Чи Иншунь в прошлый раз, но вокруг по-прежнему никого не было.

Задрав голову под углом в сорок градусов, она позвала:

— Ты здесь?

И, вполне ожидаемо, парень спетнурил вниз:

— Зачем искала?

Его самоуверенный тон напомнил ей о детстве, когда он точно так же заявлял, что она — дочь простой служанки.

Хотя, по большому счету, разница была невелика. Тогда она действительно не дотягивала даже до дочери прислуги.

— Спасибо, — даже если благодарить других доводилось редко, выдавливать из себя слова через силу она не умела. — Я насчет ожерелья.

Опасаясь, что он не поймет, о чем речь, ей пришлось уточнить.

Помолчав пару секунд, Чи Иншунь горько усмехнулся:

— Я помню, можешь не напоминать.

Не каждый способен оказаться столь же жестоким, как она — вычеркнуть детали из памяти, оставив лишь острую боль.

— Тогда я пойду, извини, что побеспокоила.

Она развернулась, но ее запястье вдруг перехватила сильная рука, заставив резко повернуться обратно.

Полуденный Калайт. Парень развернул девушку лицом к себе.

И Ши Сюнь с недовольством уставилась на него:

— Тебе чего? — она с детства терпеть не могла физических контактов с парнями.

Отпустив её руку, Чи Иншунь сунул ладони в карманы брюк и посмотрел прямо перед собой:

— Кем вам приходится Ян Чуцзин?

На самом деле он хотел спросить: «Кем тебе приходится Ян Чуцзин?», но слова застряли в горле, и произнести их оказалось слишком тяжело.

— Почему ты не спросишь у него самого? — парировала Ши Сюнь.

И то верно.